

Interpone tuis interdum gaudia curis

СУББОТНИК НГ

ЯНВАРЬ — 2001

Еженедельное приложение к «НГ»

№ 1 (48), 13 января 2001 г.

Выходит с января 2000 г.

ТАЙНА РОМАНОВ ИЛЬФА И ПЕТРОВА

НОВОГОДНЕЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

МАКСИМ СОКОЛОВ ДЕБЮТИРОВАЛ В ПРОГРАММЕ «ОДНАКО»

ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА «НГ»

АФИШНАЯ ТУМБА

стр. 11

стр. 12

стр. 12

стр. 13-14

стр. 15

стр. 16

В последнее время более популярную фигуру, чем Сергей Доренко, в телевизионном мире найти трудно. Вокруг его имени ходит огромное количество слухов. Причем отсутствие программы Доренко в эфирной сетке ОРТ их только усиливает. Чтобы не гадать — где правда, а где ложь, мы решили задать интересующие нас вопросы самому Сергею Доренко. В начале этой недели корреспондент «НГ» встретила с телеведущим.

Мария Безбородова

СЕРГЕЙ, как-то вы признались, что вам нравится запускать о себе самые невероятные слухи и с удовольствием наблюдать за их дальнейшим развитием. Зачем вам это?

— Мне кажется, что это забавно. И это характеризует толпу. Чаще всего я запускаю слухи о себе в телевизионных и околотелевизионных кругах. Таким образом, жизнь этих слухов, трактовок и производные слухи характеризуют именно эту толпу. А вы ее жалесте? Поверьте, она этого заслуживает. Если бы она не смогла нас позабыть, то зачем же Господь создал ее в неизгнанный мудрости своей?

Несколько месяцев назад в СМИ прошла информация о нашем переходе на ТВ-6. Говорили даже о том, что на двери одного из кабинетов этого канала появилась табличка с вашим именем...

— Табличек не видел. Но слухи до сих пор ходят. Уж и сам думаю: мол, нет дыма без огня. Может, я и вправду перехожу на ТВ-6? Однажды слухи о моем переходе на ТВ-6 были так серьезны, что основатель этого канала Эдуард Сагалаев подарил мне бухарский халат в ознаменование моего перехода. Это было полтора года назад. Как раз накануне горячей осени 99-го.

— Из неофициальных источников нам стало известно, что Березовский и Гусинский действительно решили сделать из ТВ-6 мощный политический канал, гвоздем которого станет ваша «Авторская программа».

— А что, есть неофициальный источник при неофициальных лицах? Некто еще более неофициальный? Я говорил с Борисом Безбородовым по телефону вчера. Совершенно неофициально. Мы оба были источниками в известном смысле. И ни один из нас не проговорился ни о чем похожем. Даже и те официальные лица, которые нас подслушивают и записывают, делали это привычно — молча. Но вот если бы кто-то из участников нашего телефонного разговора с Борисом Безбородовым сказал бы, что из ТВ-6 надо сделать мощный политический канал, я бы возразил, что это не очень разумно, потому что очень нереально. Кремль прихлопнет его непременно. В любую минуту. Можно истратить тридцать миллионов долларов и сделать мощный политический канал. И полюбоваться зрелищем его уничтожения Кремлем. Но нужно ли?

— На пресс-конференции, организованной Интерфаксом сразу после снятия с эфира вашей «Авторской программы», вы заявили, что причиной стало «давление» на Константина Эрнста со стороны Кремля. Есть ли у вас прямые доказательства этому?

— Правильное название моей программы «Программа Сергея Доренко». Слово «авторская» никогда в названии не фигурировало. У меня есть знание. И у меня куча свидетелей. Спросите у Путина. И у Волошина. Еще я знаю, что вода мокрая, а солнце встает на востоке, а все решения, мало-мальски значимые по телевизору, даже по текущему освещению событий в новостях, принимаются еженедельно на совещаниях у Волошина. Любой бывший председатель ВПТРК или ОРТ подтвердит вам эту абсолютную известную истину. До Волошина такие планы как «своими» проводили и Юмашев и Чубайс. На таких совещаниях даже придумывали одно время и мне роли и задания. Убедившись, что я не подчиняюсь и грубую и не

ЮБИЛЕЙ СТРОПТИВОСТИ

«Я никогда не критиковал кого бы то ни было», — утверждает Сергей Доренко

желаю посещать эти планерки, меня трогать перестали. Но ведь ни для кого не секрет, что облатя Явлинского перед президентскими выборами было решено на одной из таких летучек у Волошина. А именно — 22 марта 2000 года.

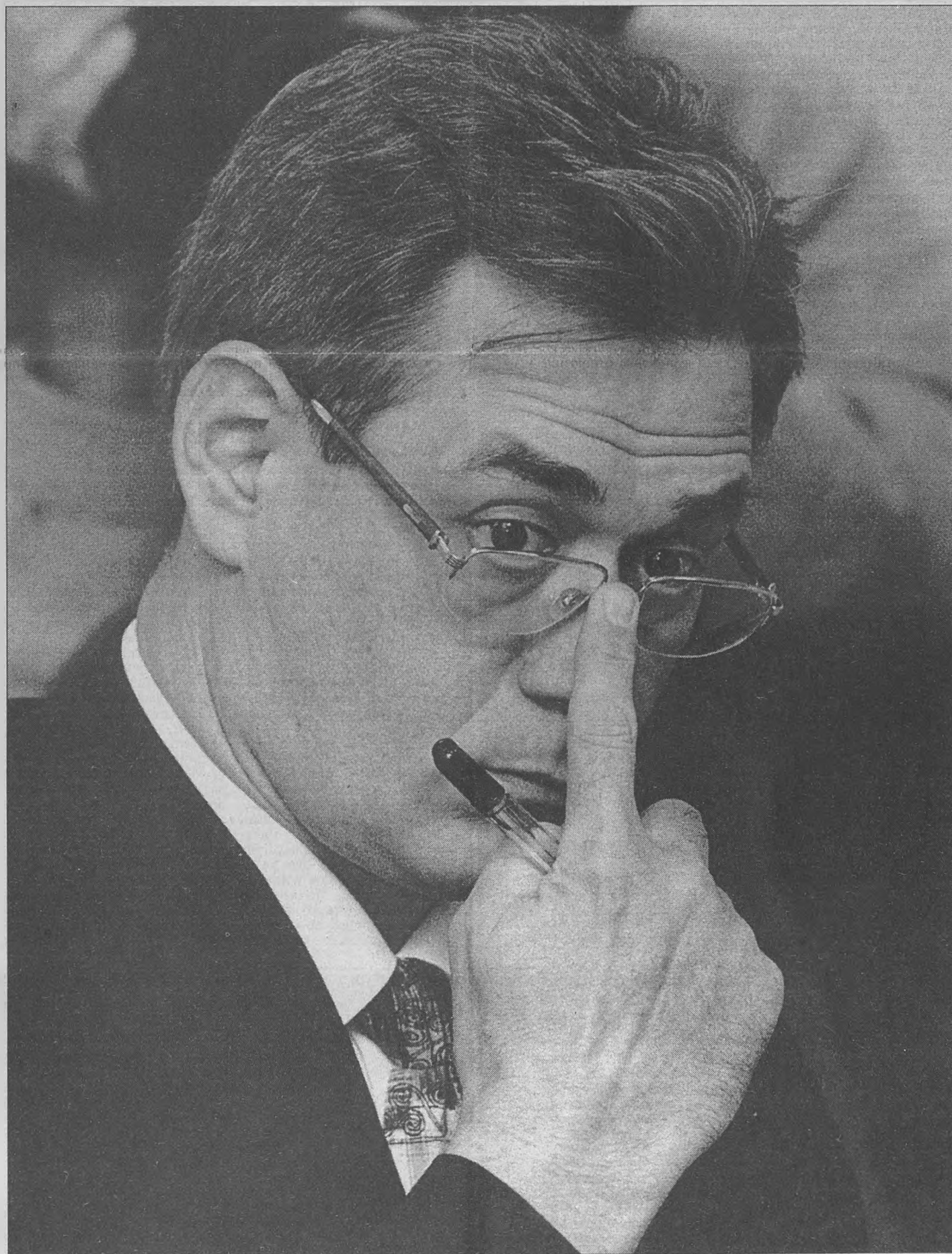
— Считаете ли вы себя вправе во всеуслышание заявлять, что Эрнст и Добродеев довольно часто встречаются с Волошиным для обсуждения дальнейшей стратегии вещания?

— Не стратегии, а каждой мелочи в освещении каждого движения президента и не только президента. Другое дело, что не столько и не только они получают указания. Волошин в силу занятости не имеет по каждому вопросу готовых решений. И именно на этих еженедельных совещаниях решения и принимаются. При этом именно представители госжурналистики выступают со своими предложениями, а Волошин их принимает и утверждает. Не обходится и без ссор и разногласий. Как рассказывает Константин Эрнст, на совещании 22 марта прошлого года было решено объявить, что Явлинский сделал косметические операции, подтяжки. И не случайно, а, как придумали в Кремле, чтобы понравиться гомосексуальным избирателям. Ну и так далее. Вы помните? Это было сделано в день силами дирекции информации ОРТ. Так вот, Константин сказал, что, после того как эту деликатную миссию поручили первому каналу, он не согласился. И протестовал. Но Костю заставили. И он сделал. Впрочем, текст писал корреспондент «Ведомостей». Так что начальство может сказать, что это он в рамках свободы слова писал. Вообще такие совещания во время парламентских и президентских выборов проходили по средам. А вот когда еще Чубайс был главой администрации, то заседали по субботам. И при Юмашеве по субботам собирались. Каждый новый начальник ОРТ рассказывал мне о принятых решениях в первое время. Пока не разочаровывался во мне.

— Вы не раз говорили, что 15 января 2000 года во время одной из многочисленных встреч с Путиным он вас благодарил за хорошую работу и даже назвал членом его команды. Что же все-таки произошло за этот год в ваших отношениях с президентом? Почему между вами пробежала черная кошка?

— Он не благодарил «за работу». Он вывел меня в тамбурок сразу за рабочим кабинетом и сказал, что очень признателен за то, что я для него сделал. И что он хочет, чтобы я знал, что он понимает и значение сделанного, и то, чем я рисковал. Поблагодарил его я. В ответ. Я сказал: «Большое спасибо. Но я ничего для вас не сделал. Я дрался за свое право жить в России. И победил». Так мне тогда казалось. В наших отношениях за это время ничего не изменилось. Я как считал Путина функцией, так и считаю. Считаю подающей надежды, небезынтесной функцией. Теперь считаю слабой функцией. И вредной функцией. Упрощая, скажу, что считал его хорошо обучаемым, хотя и вполне случайным человеком во власти. Еще упрощая, скажу, что считал его добрым и добротой, он оказался недотепой злым.

— Что для вас означало предложение стать «членом команды»? — Быть членом любой команды означает, на мой взгляд, обязательство следовать внутренней дисциплине, исходить не из политических и идеологических собственных взглядов, а из интересов группы (команды, партии, шайки, группировки). Обладать корпоративным созна-

Сергей Доренко. На перекутке. Фото Петра Кассина (НГ-фото)

нием. Боюсь, что для меня это слишком трудная задача. Я не умею работать в шайках.

— Судя по вашим многочисленным заявлениям, в разговорах с президентом вы допускали много критики в его адрес. В частности, критиковали за то, что он создает несколько государственных каналов...

— Я никогда не критиковал кого бы то ни было. Да исполнится воля Всевышнего. Зачем мне подрезать ему дорогу? Я просто предупреждал общество и всех, кому это может показаться интересным, что государственных каналов не бывает больше одного. В новостном вещании, я имею в виду. Даже если их тридцать. Люди будут смотреть один из государст-

венных каналов. И один — негосударственный, если он останется. Госканалы, по сути, — это государственные. Их начальники, по существу, — госчиновники. Чиновники не могут выбирать приоритет творческий или коммерческий успех. У них с десяток зрителей, которые решают их судьбу, и масса завистников. Другая логика. Нельзя ошибаться. Надо быть похожим в рвении. Так что не имеет значения, сколько у государства каналов. Если все каналы заберут и все радиостанции заберут, и все газеты — все равно: люди будут брать информацию только в одном государственном. Альтернативой будут слухи. И бегство в войну. Все это уже было. Совсем недавно.

— Как вы считаете, ваше временное отстранение от эфира — это наступление на свободу слова? — Мне не хотелось бы трактовать свое положение именно в этих терминах, чтобы ни у кого не сложилось впечатление, что я прошу о помощи. Но общие процессы в России говорят о том, что власть последовательно борется со всеми сколько-нибудь значимыми средствами массовой информации, позволяющими себе нелояльность в кремлевском понимании. Мой же отдельный случай прост и очевиден. Меня сняли за программу о подполковнике «Курс», где я дал интервью сослуживцев и вдов погибших моряков. И еще показал несколько бросающихся в глаза случаев,

когда президент путался и противоречил своим же высказываниям. И противоречил фактам. И еще меня лишили права на работу в эфире за «предательство». Выходя от Путина 29 августа, я попросил Волошина помочь мне в этих терминах. Он пошутил, но, наверное, что мы это соглашались с Путиным. И расстраивался. На следующее утро меня встречали в Видеосе. И возили. Со мной были два оператора, и они снимали, отрываясь от сопровождения. Ну и мы показывали все, что увидели. А это, как вы понимаете, с точки зрения Кремля — предательство. И вот — эта программа была последней. Она висит на моем сайте в Интернете, и любой желающий может

убедиться, что Кремлю она не могла понравиться. Когда закончился эфир, я знал, что все кончено. Но сомнений не было. Только за бригаду беспокоился. Что ребята потеряют работу. Но они меня поддержали. Одинадцать человек из моей бригады уже выгнали из ОРТ. Забавно, но меня в отличие от моих коллег не только не уволили, но даже и не предупредили о готовящемся увольнении. Так что даже если предупредят завтра, то я еще два месяца буду заместителем генерального директора ОРТ. Но мне запрещено работать в эфире вот уже более четырех месяцев.

— Вы сейчас участвуете в жизни канала, получаете зарплату или ваши должности носят теперь лишь формальный характер?

— Мне платят зарплату. И с официальной точки зрения я готовлюсь к возобновлению своей программы на ОРТ с 1 марта. Потому что в приказе о моей программе было сказано буквально следующее: «приостановить производство в осенне-зимний период». Стало быть, в «весенне-летний период» программа снова должна выйти в эфир. Или я неправильно трактую эту формулировку?

— Сразу после снятия передачи вы сказали, что, несмотря ни на что, обязательно вернетесь на ОРТ. Тем более опыт ухода-возвращения у вас уже есть.

— Я вернулся на ОРТ завтра или через тысячу лет, потому что Путин уйдет. Он уйдет завтра или через тысячу лет. Но скорее всего все произойдет быстро. Путин делает слишком много ошибок. Главная — он разрушает государство. Государство состоит из многих составляющих, которые еще даже не утвердились в России, но были уничтожены Путиным. Я говорю о парламенте, о судах, о структурированной части общества — партиях, движениях. Об инструментах общества — о прессе. Уничтожив сравнительно легко российское государство или превратив его части в карикатуру, как, например, парламент, вариант — опираться, по существу, только на две силы — на силовиков и на маргинальную часть общества. И те и другие потребуют от Путина дальнейшего сползания к этаким фашистским толкам. И вот что ему останется: в случае если он захочет установить свое лидерство, которого до сих пор не было, ему придется время от времени проводить децимацию среди своих сторонников. И тогда это будет авторитарный режим с диктатором Путиным. Он спасет себя физически от своих же сподвижников, но такая схема не сможет долго просуществовать в современной России и скорее всего закончится развалом страны. Второй вариант — опираться и маргиналы станут смеяться к этаким фашистским толкам быстрое самого Путина. То есть он перестанет их превосходить и предугадывать, как сейчас, и не сможет больше угождать. Тогда они его смутят. И поставят президентом настоящего, а не фальшивого питекантропа. Ну и излишним будет повторять, что такой режим долго не просуществует в XXI веке. Да, ну и в самом конце я смогу вернуться, что мне, разумеется, уже не понадобится. Впрочем, интуиция подсказывает мне, что я все-таки вернусь и вспомню о Путине в своей программе на ОРТ даже и без реализации предложенных мною мрачных сценариев.

— Если бы сейчас вам предложили работу на ТВЦ Юрия Лужкова со всеми вытекающими отсюда последствиями, вы бы согласились?

— Это перспектива нереальна. Ни я, ни Лужков не стали бы терпеть друг друга на своем канале. Самооценка и у него, и у меня не позволила бы терпеть рядом с собой еще одного претендента на первое место. У Лужкова самооценка и нарциссизм достигают такого гиперболизированного уровня, что он вообще не способен разговаривать с людьми, если они не холуистуют и не угождают.

— В одном из интервью вы сказали, что сможете сменить имидж и вернуться в «чистую» журналистику. Но имидж обыкновенного новостника вряд ли сможет затмить столь яркий образ «телекритика»...

— Я не употреблял таких терминов. Я даже не знаю, что это такое. Есть жанры. Я всегда говорил и утверждал и сейчас, что могу работать в жанре новостей. В сколь угодно чистом жанре новостей. Точно так же мне известно, что я могу работать в жанре авторского комментатора. Слово «телекритик», которое вы употребили, я не стал бы употреблять. Такого жанра нет. Во всяком случае, мне о нем не приходилось слышать.

— Вы согласны с изречением «Платон мне друг, но истина дороже»?

— Слово «истина» в этом изречении я бы заменил на «мое мнение». Я не стал бы приписывать

себе какую бы то ни было степень истинности. Это было бы уже гордыней. Я всегда и последовательно вот уже десять лет подбирал работу, не желая расставаться со своим взглядом. В первый раз это было в январе 91-го в Вильнюсе и Риге. Зампред Гостелерадио СССР Решетов порвал мои тексты и бросил на пол. В тот же день я подал заявление об уходе. Так что в этом январе у меня свособразный юбилей строптивости.

— Журналистику можно разделить на две категории: журналистику фактов и журналистику мнений. Первая более объективна. Вторая является гарантом хорошего шоу, но объективности, естественно, уходит на второй, если не на третий план. Вы согласны с утверждением, что ваша программа относилась именно ко второй категории?

— Объективен Господь. Я вам пошло двух разных людей в булочную за углом и потом скажу, чтобы они описали увиденное. И вы ужасно удивитесь, но рассказы их будут разными. Субъекты, рассказывающие о наблюдаемых объектах, не могут не быть субъективными. Иначе не станут объектами и ничего нам не расскажут в рамках своей объективности. Далее: мнение не может быть гарантом хорошего шоу. Вот вы высказали только что, что мнение — гарант хорошего шоу. И ваше мнение не стало ни шоу, ни его гарантом. Ни даже его гарантией. Шоу-зрелище может быть гарантировано только творчеством. И когда творчество выходит на первый план, мы гарантированно имеем дело с продуктом первой категории. В тех же случаях, когда творчества нет, мы имеем дело не с объективностью, а с бездарностью. Мой вывод на первый взгляд может показаться неправдоподобным, но оглянитесь вокруг: самое творческое существо в мире — Господь. Он сотворил и продолжает непрерывно творить нечто, что мы признаем превосходящим, нечто, чем нам нравится любоваться как можно дольше. Сила его творчества такова, что его произведения мы считаем объективностью. Вот до чего доходит дело. Стало быть, Мария, чем больше творчества, тем выше уровень объективности? Я ведь убедил вас? Ведь всего минуту назад вы считали, что творчество и объективность несовместимы, не правда ли?

— Ваша телекарьера началась в 85-м, когда вы начали работать на Гостелерадио СССР. Неужели, не имея никакой журналистской практики, туда можно было попасть без блатов?

— Туда и сегодня можно попасть без блатов. Целые толпы бессмысленных существ вводят коридоры Останкино. И всякому человеку безразличным взором очень рады. Мой же приход объясняется просто — у меня был реальный тогда португальский язык. И меня планировали на радио — на иновещание для наших африканских колоний. И оформили. А потом какой-то блатной перешел мне дорогу. Но бумаги лежали в папке. И вдруг понадобился человек. И про папку вспомнили. И вот — я на ТВ.

— Как поживает ваша кобыла? Помните, на вашем автоответчике было сообщение, что вы не можете подойти к телефону, так как ваша кобыла жеребит.

— Вас ввели в заблуждение. У меня только два мотоцикла и две машины. Я больше по техническим видам спорта. Кобыла есть у моей младшей дочери. С тех пор как наша семья владеет этим благородным животным, речь о родах не шла ни разу. Мне жаль вас огорчать, но кобылы бывают жеребы в течение 11 месяцев подряд. И жеребую кобылу легко отличить. И мы не могли бы не заметить такого важного события в ее жизни, если бы оно произошло. В последний раз я видел кобылу, на которую вы ссылаетесь, вчера. Она на моих глазах взяла 8 препятствий по метру высотой за 64 секунды и не выглядела жеребой.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Сергей Доренко родился 18 октября 1959 г. в Керчи. Окончил филологический факультет Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Работал в Анголе переводчиком группы преподавателей в Высшей партийной школе МПЛА — Партии труда. В 1985 г. перешел на Гостелерадио СССР. С января 1990 г. работал в международном отделе Главной редакции информации Центрального телевидения (ГРЦ ЦТ). Вскоре стал ведущим утренней программы «120 минут», выходящей на первом канале. На ОРТ вел программу «Время». «Программу Сергея Доренко».